

Той весной мне исполнилось двадцать семь лет, и я уже четыре года работала вместе с сёстрами милосердия в неврологическом отделении одной из городских больниц.

Эта работа не была тяжёлой, до сестричества я работала и на более тяжёлых работах. По крайней мере, она была не тяжёлой физически.

Мы не были монашками и работали не бесплатно, как часто думали те, кто с нами сталкивался — сестричество платило нам зарплату. Это не было волонтерством, а было именно работой. Но всё-таки, в каком-то смысле, это было больше, чем просто работа. В храме это называли «служением». Мы посещали одиноких и брошенных, ухаживали за лежачими, к которым никто не приходил, меняли им бельё, мыли их, приносили им гостинцы.

Кроме того, некоторые сёстры разговаривали с больными о Боге.

Некоторые, но не все. Лично я никогда не занималась этим. Я терялась, когда нужно было говорить о религии. Сама я никогда не нуждалась в том, чтобы говорить с другими о своей вере, и потому мне казалось почти невозможным лезть к кому-то с разговорами о столь сокровенном. Впрочем, я не была уверена в своей правоте.

Часто в проповедях, которые я слышала по воскресеньям, говорилось, что мы, христиане, призваны быть свидетелями существования Бога перед лицом неверующих. Я слушала эти слова в смущении, и всё равно где-то в глубине души чувствовала, что не мне свидетельствовать о Боге.

Как я уже сказала, я работала с сёстрами около четырех лет, и к этому времени меня уже в полной мере начала подтачивать усталость, то, что, как я знаю, называют «профессиональным выгоранием». Это состояние тревожило меня. Я работала не больше других, и, по правде говоря, мне не с чего было особо «уставать». Но смутная тревога во мне росла, и всё чаще в конце рабочего дня я не чувствовала удовлетворения, и всё труднее мне было входить в больничные двери по утрам.

Я была одинока. Вряд ли я смогла бы рассказать кому-то о том, что чувствую. Не знаю, как подобную усталость перенесли другие, мне казалось, никто больше не чувствует того же, что чувствовала я. Между сёстрами было не принято говорить

о таких вещах. В лучшем случае, мне посоветовали бы сходить к духовнику. Но и с духовником я не знала, как об этом говорить. Я видела, что он сам, как настоятель больничного храма, и многие из его «духовных детей» делают куда больше меня, и не жалуются. Кроме того, меня должно было поддерживать сознание того, что я делаю нужное и высокое дело.

Временами мне и самой казалось, что я всё только выдумываю, и я старалась взять себя в руки.

Я помню, как входила в больничные ворота по утрам. Я проходила через проходную, поднималась на нужный мне этаж, считая ступеньки и пытаюсь растянуть эти последние ускользящие минуты свободы — когда я ещё принадлежала себе, и когда ещё можно было повернуть назад, и не входить в отделение, не начинать этот новый день. Ещё не открыв двери, я уже чувствовала больничный запах, среди которого мне предстояло провести много, много часов. Этот запах порой снится мне по ночам и теперь, и я просыпаюсь в ужасе, уверенная в том, что всё ещё нахожусь в больнице, на сутках.

К началу пятого года моего «служения», после рабочей недели у меня уже не оставалось сил идти в выходные на службу, и часто я оставалась дома, пропуская и субботнюю всенощную, и воскресную литургию. К счастью, я жила довольно далеко от нашего больничного храма, в квартире, оставшейся от родителей, и всегда могла сказать, что хожу на службы в ближайшую к дому церковь. В эти дни я старалась даже и вовсе не выходить из дома, чтобы хоть немного побыть в одиночестве, и в тишине набраться сил и терпения на всю предстоящую неделю.

Я знала, что это плохо. У нас многие считали, что даже причащаться нужно каждую неделю — иначе, откуда же взять силы — ведь силы даёт Бог? Если бы они знали, что я не была на исповеди и не причащалась больше года, я думаю, они бы ужаснулись и решили, что я в лапах дьявола. Между тем, боюсь, я никогда — ни до, ни после, — не молилась так горячо и искренне, как тогда. Я молила Бога о том, чтобы он дал мне силы. Часто я думала о том месте из Библии, где рассказывается, как Господь дал Сау-

лу новое сердце, когда призвал его стать царём Израиля. Я молилась о том, чтобы Он дал новое, сильное сердце и мне, потому что чувствовала — силы мои на исходе.

Но тогда, той весной, я ещё не сломалась окончательно. И взяв благословение у духовника, я поехала в один из самых знаменитых монастырей России. Наверное, я надеялась, что там Богу будет проще услышать меня.

Впрочем, я выбрала место паломничества скорее инстинктивно, быть может, потому, что этот монастырь находился далеко от больших городов: я всегда любила природу, хотя давно уже не имела возможности побывать где-то за городом.

В тот вечер, когда я уезжала, в Москве шёл снег.

Сначала я ехала на ночном поезде, потом на одном из пригородных автобусов, и чем дальше к западу я забиралась, тем острее становилось наступление весны, так что в окрестностях самого монастыря не было уже и следа снега. Выходя из автобуса, я поняла, что одета слишком тепло.

Монастырь был тут же, в двух шагах от площадки, на которой затормозил автобус, и как-то очень внезапно я поняла, что мой путь, с которым я уже свыклась, кончился. Я была на месте.

Настоящих гор вокруг монастыря не было, но было некое весьма осязаемое, непривычное поднятие рельефа. Голова немного кружилась, как, должно быть, бывает на высоте с альпинистами. Солнце палило в зените.

Я знала, что где-то совсем рядом проходит граница с другим государством. В какой стороне была пограничная линия, я бы не смогла ответить, но невидимая граница ощущалась, как раскалённая проволока, от которой шёл жар, накаляя воздух. Было словно бы тесно и тревожно — такое ощущение никогда не возникает в центре России, где, стоит только выйти за дверь, и пространству не будет конца и края.

Всё было непривычно, словно бы и так, да не так. Я вдруг подумала, что ещё никогда не уезжала от дома так далеко.

Я подняла свою дорожную сумку и пошла к воротам монастыря.

Внутри стен я не увидела большой площади, где гулял бы ветер, как я себе представляла. Сразу за воротами начиналась широкая аллея с рядом книжных и церковных лавок, которая вела к храму, должно быть, главному собору монастыря. Другая аллея широкими ступенями белой лентой уходила вниз, под гору. Сам монастырский двор с постройками и часовней находился там, в низине, словно бы на дне чаши.

Становилось, всё жарче. Я вытерла пот со лба и оттянула ворот свитера, высокий и колючий, но постеснялась снять свитер посреди монастырского двора.

Шла служба, но в соборе почти никого не было, лишь только далеко впереди, у алтаря, чернело несколько монашеских фигур, да вдоль прохода несколько человек, явно туристы, зажигали свечи перед иконами. Здесь было немного прохладнее, но я не сразу почувствовала это, а лишь когда облако жаркого воздуха вокруг меня понемногу рассеялось.

На каменных плитах пола громко скрипел песок. Меня это смутило, и я не пошла дальше, а остановилась рядом с дверями, в тени одной из колонн.

Алтарь, казалось, был где-то невообразимо далеко впереди, и временами я совсем переставала различать слова канонов, и тогда начинала молиться о своём, о том, ради чего приехала сюда — «о новом сердце». Ноги мои гудели от усталости, но на душе было лучше, чем всё последнее время, и какое-то время это поддерживало во мне силы.

Слова молитв, невнятные и словно сонные, звучали издалека, и временами, еще глуше, словно из далёкой дали, им отзывался одинокий голос из-за закрытых алтарских врат. У меня появилось странное ощущение, будто молитвы здесь звучат словно бы и не для людей вовсе. Словно, и не будь здесь людей, таинство предстояния перед Богом свершилось бы всё равно. Я помнила рассказы о священниках, которые в годы гонений служили в полуразрушенных пустых церквях литургии в полном одиночестве, как если бы за их спинами стоял целый храм прихожан. Эти истории нравились мне, и этот безлюдный пустой храм нравился

мне тоже.

Но постепенно через успокоение вновь начала просачиваться тревога.

Голос, звучащий под куполом, ненадолго умолк, и я воспользовалась этим, чтобы выйти из храма. Быть может, молитвы не прекращаются в монастыре ни днём, ни ночью, — подумала я себе в оправдание, но всё равно почувствовала, что настроение моё снова испортилось: я даже службу не могла выстоять полностью.

Я вышла из собора на залитое солнцем крыльцо.

Я довольно давно ела в последний раз, но прошла мимо ларька с монастырской выпечкой равнодушно, почти что с отвращением. Я давно заметила, что иногда проще совсем не есть, чем думать о еде и отвлекаться на неё. Быть может, равнодушие к еде рано или поздно вырабатывается у всех, кто постоянно соблюдает посты. А может быть, я слишком часто была несчастна в тот период жизни, и это делало для меня любую еду безвкусной. Не знаю.

Я вернулась к воротам и спустилась вниз, на монастырский двор. На дне чаши, укрытой от холодных ветров, словно в собственном микроклимате, на клумбах распускались первые цветы. Под моими ногами в тишине похрустывал красноватый разровненный граблями песок.

Запрокинув голову, я увидела крутую, петляющую по склону лестницу, выводящую, должно быть, прямо к паперти главного собора. Отсюда были видны только его купола, и казалось, что он находится очень высоко. А под ним, в толще скалы, в стороне от лестницы, был вход в те самые знаменитые «пещерки», что веками служили местом упокоения здешней братии. Это была главная святыня монастыря, то, из-за чего люди съезжались сюда со всей России.

Две аллеи и эта крутая лестница — это был круг, по которому, должно быть, циркулировала жизнь монастыря, если не считать этих таинственных, узких и тесных ходов, вырубленных монахами в толще горы. Эти ходы, черные и безвоздушные, как бы

выпадали из естественного круга кровообращения монастырской жизни. Словно бы это был путь в один конец, и с полным правом туда могли входить лишь те, кто не возвращался обратно, а уходил сквозь толщу скалы куда-то в совсем другие земли.

Территория монастыря была небольшая, и вскоре я обошла её всю. Идти больше было некуда. Только в эти пещерки, но поход туда я инстинктивно откладывала. Я стояла посреди двора и смотрела на небо.

Была ещё середина дня, но вскоре должен был наступить вечер, и мне следовало подумать о том, где остановиться на ночь. Я не хотела прерывать своё одиночество. Хуже того, необходимость просить ночлега пугала и тяготила меня гораздо больше ночёвки на безлюдной автобусной остановке или даже в голое поле. Я знала за собой эту нелюдимость. Краем сознания я понимала, что в этом проявляется моя исконная нелюбовь к людям, желание избежать общения с ними, и что в этом-то и коренится моя беда. Я чувствовала, и даже понимала умом, что новое, сильное сердце должно быть полно любви к людям, что в этом и будет заключаться его сила.

Я совершила над собой усилие и поднялась на крыльцо паломнического центра.

Мне не повезло, и внутри я застала лишь кого-то из подсобных рабочих, которые были, наверное, здешними послушниками.

Я вышла обратно на улицу, на солнце, и принялась ждать.

Я ждала долго, и за это время тот высокий подъём, что вызвало во мне усилие над собой, постепенно перегорал. Скоро я уже стала замечать, что монахи, спешащие по делам, обходят меня с явным неудовольствием. Дорожки здесь, на монастырском дворе, были узки, как русла ручьев, и мне совсем некуда было уйти с их дороги.

Я как могла боролась с этими чувствами, но постепенно они овладевали мной, и я уже не могла выкинуть из головы навязчивые мысли о ненужности моего появления здесь, почти что о неуместности его.

Я знала, что в мужские монастыри приезжает множество

паломниц-женщин, и никто не видит в этом ничего предосудительного, но всё равно, в тот момент мне казалось, что у них, у этих женщин, должно быть, есть какие-то серьёзные для этого причины, которых у меня не было.

Незаметно, шаг за шагом, я отбрела всё дальше и дальше от паломнического центра, и наконец, оказалась на аллее, ведущей к воротами.

За воротами мне стало немного лучше, и чем дальше я отходила от монастыря, тем вольнее мне дышалось. Однако чувство праздности и ненужности не проходило.

Совсем рядом я снова увидела ту площадку, к которой подъезжал автобус, но и она была пустая и голая, никто по ней не слонялся в праздности.

Наконец, я сошла с дороги, чтобы подняться на один из окрестных холмов.

Гряды холмов окружали монастырские стены, и временами стены словно пропадали в складках рельефа, так, что порой начинало казаться, что их можно просто перешагнуть. По склонам росли старые деревья, покрытые ржавыми, желтовато-рыжими пятнами лишайника, и это были единственные яркие пятна в бедной ещё, скупой на краски весенней природе.

Я чувствовала под подошвами ботинок жёсткую землю, схваченную корнями многолетних трав. В ногах я ощущала небольшую слабость, но тело было легким. Мне казалось, что оно словно бы больше не отяжеляло меня своей тёмной плотной массой, и я продолжала двигаться вперёд не силой ослабших мышц, но одним лишь напряжением освободившейся воли. Я поднималась вверх по склону, и головокружение, начавшееся ещё у подножия, усиливалось, в какой-то момент мне даже пришлось остановиться, чтобы переждать звон в ушах. Разноцветные, пёстрые, яркие купола монастыря горели в вечернем свете, но я, как могла, оттягивала возвращение в монастырь.

Я вернулась к паломническому центру, когда близился вечер, и от куполов и построек поползли по двору длинные синеватые тени. Дневной жар остыл, и потянуло холодом от земли, про-

мёрзшей и ещё непроснувшейся — кроме, пожалуй, клумб внизу, на монастырском дворе. Я застегнула ветровку до горла, и засушила руки поглубже в карманы. Теперь, когда солнце ушло, казалось, вся земля погрузилась в тень

В главном соборе как раз закончилась служба, более многочисленная, чем та, на которую я попала днем. Один из послушников узнал меня и указал на нестарого ещё монаха выходявшего в тот момент на паперть. Я улыбнулась и поблагодарила его, но он лишь хмуро кивнул в ответ и, как мне показалось, поспешил оказаться от меня как можно дальше. Это расстроило меня, и я едва нашла в себе силы справиться с паникой и вести себя разумно. Я оглянулась вокруг. Приближалась ночь, и я должна была взять себя в руки.

Странно, но в Церкви, чтобы чувствовать себя змеёй-искусительницей, даже не нужно быть красивой или откровенно одеваться. Во всяком случае, я, чтобы ни делала, никогда не могла полностью избавиться от этого глубинного чувства вины.

Монаха, кажется, привело в небольшое затруднение то, что я приехала одна, вне экскурсионной группы. И вновь я почувствовала досаду на себя за то, что зря тревожу людей. Однако же ситуация, казалось бы, разрешилась очень удачно. Завидев ковылявшую по двору старуху в зелёном плаще, монах обрадовался и тут же уверил меня, что она — то, что мне нужно, и я очень хорошо у неё устроюсь. Широкими шагами, весело улыбаясь, он направился к старухе и, перекрестив её с готовностью сложенные под благословение мясистые мужские ладони, представил ей меня.

Я смутно ощутила, что он просто сбывает меня с рук, но даже обрадовалась этому. В общем-то, я не стоила его хлопот, и была рада тому, что не слишком его потревожила.

Человеку, далёкому от церкви, быть может, будет не просто понять это ощущение своей второстепенности и даже особое упивание этой второстепенностью, желание умалиться ещё больше, свойственное женщинам в Церкви. Но те, кто хоть когда-нибудь жил этой жизнью, скорее всего, меня поймут.

Старуха, крестясь на купола, заковыляла к воротам, и я пошла следом за ней. Её приземистое плотное тело в зелёном плаще маячило передо мной, пока мы шли по улице. Я не заговаривала с ней, просто шла следом.

Смеркалось на глазах, и к дому старухи мы подошли уже в полной темноте. Небо ещё синело поздним ультрамарином, но улица, дома, и постройки внутри ограды бабкиного жилища уже потонули в чёрной мгле, так что я, ступив на её порог, не запомнила ни пути, ни улицы, где очутилась.

Дом старухи был маленьким, с низким потолком, грязноватый и неопрятный, но я постаралась уверить себя, что так даже лучше. Решившись войти в паломнический центр, заставив себя сделать всё как надо, как положено, я привела себя в такое расположение духа, что меня даже радовали неудобства. Кто я была такая, чтобы требовать для себя удобств? Ведь я приехала просить о милости. Высокий подъем духа заставлял меня радоваться тесноте и убогости дома, где меня приютили.

В отличие от некоторых девушек из сестричества, которые выросли в православных семьях, я никогда близко не общалась ни с семинаристами, ни со священниками, и потому немного дичилась их. Я никогда не могла себе представить, как и о чём можно разговаривать с ними просто так. Может быть, во мне всегда было слишком большое уважение к авторитетам. И потому старуха, отрекомендованная мне, как мать двух священников, вызывала во мне естественный трепет. И в то же время, я видела, — весь дом старухи наводил на эту мысль, — что сыновья-священники вряд ли часто навещают свою мать. Впрочем, я старалась не судить и даже не думать оценивающе, чтобы не спугнуть то своё возвышенное состояние.

На улице совсем стемнело, но покоя снаружи я не ощущала. Как и во всяком паломническом месте, жизнь здесь прекращалась поздно. Я слышала голоса и звуки шагов. Потом со стороны монастыря раздался одинокий звон колокола.

Мы сели пить чай, и, так как обе собирались утром на раннюю службу, после чая начали готовиться ко сну. Бабка

проводила меня в дальнюю комнату, я оставила там свои вещи, и прошла к умывальнику. Когда я вернулась, бабка, согнувшись в три погибели, открывала крышку подпола, и я поспешила помочь ей.

Бабка закивала, принимая мою помощь, как должное, и выпустила ручку люка. Только предупредила, чтобы я не делала щель слишком широкой, а то «она» может вырваться. Я непонимающе вгляделась в чёрную дыру, начиная подозревать, что бабка немного помешалась в уме. Но вот из темноты послышалось громкое «мяу», и в прямоугольнике света, лёгшем на верхнюю ступеньку лестницы, мелькнула чёрная гибкая тень.

— Там кошка?! — я посмотрела на бабку, и бабка снова закивала.

Она, кажется, уже доверяла мне, и потому отвечала охотно. Она не выпускает кошку из подпола, чтобы та «не гуляла», — объяснила она. Бабка проковыляла в кухонный закуток и вернулась с миской, которую, велев мне приоткрыть щель, поставила всё на ту же верхнюю ступеньку. Кошка отчаянно замыкала, голос её приближался, и я захлопнула люк.

— Она никогда не выходит? — спросила я.

Старуха сказала, что кошка «непослушная», и как-то сбежала, но с тех пор она всегда следит, чтобы не сделать щель слишком широкой.

Из подпола раздавалось приглушённое досками мяуканье.

Старуха потопала по люку.

— Молчи, молчи, такая ты эдакая! — велела ей бабка.

Бабка подошла к образам и, оглянувшись ко мне, протянула мне молитвенник дрожащей рукой.

— На-ко, почитай-ка, — велела она мне.

Я подошла, встала рядом с ней и принялась читать, с трудом заставляя голос не дрожать. Старуха крестилась в положенных местах, и я крестилась вслед за ней, сгибаясь в поклонах, но с трудом сознавая, что я читаю. Я знала только, что не дошла ещё и до середины вечернего правила, когда старуха прервала меня.

– Ну вот и слава Богу, – прибормотала она, крестясь.

Я закрыла молитвенник и протянула ей.

Она взяла его из моих рук, и погладила шишковатыми кожными пальцами, словно бы на ощупь проверяя его сохранность, и крестясь пошла из комнаты, оставив меня одну.

Я прислушалась. Снаружи, на улице, были звуки, шорохи и голоса. Кошка в подполе затихла. Бабка скрипела половицами в другой комнате, и этот звук, звучащий так близко, вгонял меня в оцепенение. Должно быть, ей также был слышен каждый мой вздох. Каким-то чутьем я поняла – она ждёт, когда я перестану жечь электричество и погашу свет.

Постельного белья на кровати не было, и я, не раздеваясь, лишь сняв юбку и свитер, в колготках и рубашке, забралась под колючее грязноватое одеяло.

Я почти не спала в ту ночь. Мне было страшно от того, что в тёмной яме подо мной, не видя света, сидит «она», и я с трудом дождалась рассвета.

С утра вечернюю приязнь смыло с нас обеих, и мы с бабушкой едва дождались момента расставания. Она не предложила мне даже чаю, и я была рада этому. И, хотя идти нам было в одну сторону, мы пошли к монастырю порознь. Я была бы рада никогда её больше не видеть.

После бессонной ночи всё вокруг казалось мне нереальным. Белое утро и улицы, по которым я шла, инстинктивно нащупывая дорогу к монастырю, почти не запомнились мне.

Читались часы. Я видела согбённую плотную спину в зелёном плаще далеко впереди себя, среди других таких же старух. Иногда люди заслоняли её от меня, но потом я видела её снова. С каким-то ужасом я подумала, что она, должно быть, ходит почти на каждую службу. И все эти бабки – корявые, кривые, замотанные в платки, – тоже здесь всегда, пребывают неизменно.

«Знают ли в монастыре, о кошке в её подполе?» – почти рассеянно думала я.

На этот раз в соборе былолюдно и, наверное, от этого я

совсем не узнавала его теперь. Я подняла глаза и оглянулась, ища по стенам окна, но окон не было. Вокруг меня было только оклады икон, только золото, золотой свет лился от икон и свечей. Мерцал, дрожал, рассеивал внимание, не имея единого центра, единого источника.

Вокруг стояли люди, дышали, топтались, переступая с ноги на ногу, кашляли, мне казалось, что я даже слышу, как скрипит песок под их ногами. Откуда-то поддувало сквозняком, и от него стыли ноги. Я чувствовала себя так, как, наверное, чувствует себя дерево в густом лесу, не имея возможности упасть. Не знаю, сколько времени это продолжалось.

Зазвонили колокола. Толпа, крестясь, кладя поклоны, целуясь в щёки, потянулась к дверям. Ярко в пёстрой толпе чернели рясы монахов, от них благоговейно шарахались, давая дорогу. Среди других я вышла на улицу. На паперти глаза ослепило от солнца, успевшего подняться уже высоко. Я прислонилась к дверям и закрыла глаза. Временами в толпу запахов врвался резкий, усиленный духотой и солнцем едкий запах мочи, и я знала, что мимо идёт старуха, одна из этих самых, каких так много при монастырях.

День был воскресный и праздничный, и апрельское яркое солнце словно бы горело с двойной силой.

Наконец, я открыла глаза и сдвинулась с места.

Я помнила о своём долге, о той последней вещи, что я ещё должна была сделать. Я помнила про необходимость пойти в «пещерки», но теперь меня пугал этот спуск во тьму, пропахшую ладаном и страшной, жуткой святостью. Монастырь гудел, как улей. Там, ближе ко входу в «пещерки», где веками хоронились монахи — святые и несвятые, — жар как будто сгущался. Монастырь здесь был, как раковая клетка, как радиоактивное ядро, казалось, что он фонил.

Я стояла у выхода из собора, и смотрела вниз, на дальний конец монастырской стены, где была часовня, через которую был проход в это сокрытое от глаз пульсирующее сердце монастыря, и понимала, что не хочу туда идти.

Что-то в эту ночь изменилось во мне. Что-то, что делало бессмысленным и «пещерки» и дальнейшее моё топтание здесь.

Оставшееся до автобуса время я провела на автовокзале. Ощущение освобождения не было. Автовокзал был бедный и пыльный, словно бы для этого места не осталось ничего, словно всю жизнь, все соки из округи всосал в себя монастырь. Я сидела, прикрыв глаза, и не думала ни о чём.

Почти всю дорогу до Москвы я спала, просыпаясь только на пересадках и тут же снова впадая в дремоту.

Я вернулась домой, и через два дня вышла на работу, но ощущение отчуждённости росло, и я больше не сопротивлялась ему.

Я стала часто думать о том, что одинока, о том, что в моей жизни нет ничего, что религия опустошила мою жизнь и обманула меня. Я больше не сопротивлялась и этим мыслям. Я вспоминала свою прежнюю жизнь, и даже былые грехи и заблуждения казались мне теперь лучше и чище, чем-то, во что я теперь превратилась.

Издалека меня всё ещё принимали за девочку, но смотрясь в зеркало, я замечала, как постепенно грубеет моё лицо, и незаметно, но неуклонно тяжелеет и теряет очертания тело, словно бы я медленно, но неостановимо теряла контроль над своей физической оболочкой. Я чувствовала, как время уходит.

Я стала замечать все пороки окружающих меня людей, тех людей, которые верили в Бога и проповедовали веру в Него другим людям, все они казались мне теперь лицемерными, суетными и лживыми. Может быть, я и раньше видела это, но теперь все скрепы сорвало, и весь этот поток разом хлынул в меня. В тот момент, должно быть, я и в этих людей, окружающих меня, гляделась, как в зеркало.

Мне потребовалось около полугода, чтобы уйти из сестричества окончательно.

Я не враждовала с Церковью, я не потеряла веру в Бога, но я обходила стороной храмы, и особенно тщательно избегала храм своего бывшего прихода. Даже внутренне я каким-то обра-

зом сторонилась молитв, слова которых слишком часто повторяла в эти последние годы. Словно бы они, едва прозвучав во мне, свалили бы на меня весь тот прежний груз снова.

С той самой весны, — а потом и лета, и осени, — прошли годы. Не знаю, можно ли сказать, что прошло «много» лет. Для меня, по моим ощущениям, их было не так уж и много, так быстро и незаметно они пролетели. И всё-таки — прошли годы.

Первое время после моего «ухода» мне казалось, что я кинусь во внешнюю жизнь с головой — теперь, когда я вновь обрела свободу. Но это первое время прошло, а я так никуда и не кинулась.

Я так и не вышла замуж, и даже любовников за это время у меня не было. Наверное, бывает напряжение, после которого что-то внутри словно бы остаётся навсегда выжженным. Для каких-то вещей у меня просто никогда уже не будет хватать легкомыслия.

В конце концов, я поняла, что не «религия» мешала моей личной жизни, а что-то другое, что было частью меня самой.

Никто ничего мне больше не запрещал, и, учитывая мой уединённый образ жизни, никому не было бы дела, появись у меня кто-то. Мне не перед кем было держать ответ. Но хотя порой я очень ждала встречи со своим «человеком», в конце концов, я заметила, что желание это постепенно стихает во мне, становится слабее месяц от месяца и год от года, и на смену ему приходит понимание, что даже ожидание это уже окрашено не нетерпением, а скорее страхом и беспокойством. Это понимание освободило меня окончательно.

Теперь мне думается, что, если бы я вышла замуж, в каком-то смысле, это было бы таким же притворством, как и моя жизнь в Церкви — искреннее старание быть не тем, кем я являюсь. Наверное, есть люди, которым вольнее дышится, когда они никто и ничто. И мне всё больше кажется, что я из этой породы.

Есть и ещё. Что-то, что пока ускользает от меня, но что я вот-вот пойму. Не знаю, но всё чаще мне кажется, что, только теперь, окончательно уйдя от Бога, я впервые встала на путь, который ведёт к Нему. По крайней мере, ощущение беспричинной радости посещает меня теперь всё чаще.